

Глава 17. Папаша

После праздника Цинмин погода несколько дней стояла пасмурная и серая.

В четверг Фу Цзяньси позвонил Сяо Цзю. Цзяньси видел его всего пару раз. Тот запомнился ему как высокий, худощавый парень с довольно скверным характером, который, впрочем, изливал желчь исключительно на словах, до драки дела не доводя. Подчинялся он, по сути, одному лишь Мэй Цзюню, а когда молчал и не двигался, то казался частью интерьера — точь-в-точь как натурщики в их художественном классе, застывавшие на пару часов с коротким перерывом на пятнадцать минут.

— Фу Тяньюй выписался, Брат Мэй велел передать, — раздался в трубке глуховатый голос Сяо Цзю.

— Понял. Он может выходить на улицу? — спросил после недолгого раздумья Фу Цзяньси.

— Куда именно? — уточнил Сяо Цзю.

— На кладбище Восточных гор.

— Время?

— Во второй половине дня, в любое время. Как соберётесь ехать туда, наберите меня.

Договорив, Цзяньси немного подождал, пока на том конце провода не раздались короткие гудки — Сяо Цзю повесил трубку первым.

Во всём окружении Мэй Цзюня были лишь двое, чьё присутствие не вызывало у Фу Цзяньси глухого раздражения. Ну, вернее сказать, к ним он относился просто сноснее, чем к остальным. Первым был Дин Лэнин, производивший впечатление вполне приличного, интеллигентного человека. Позже, когда Цзяньси заглянул в банк разузнать насчёт ипотечного кредита под залог и действительно столкнулся там с ним, он окончательно убедился, что тот не ломал комедию. Вторым был Сяо Цзю — парень примерно его возраста, тихий и обособленный. Трудно сказать почему, но Цзяньси казалось, что взгляд у него удивительно чистый, совсем не как у типичного уличного бандита.

Спрятав мобильный, Цзяньси направился в мастерскую. Раз уж вторая половина дня грозила пойти насмарку, время приходилось урезать за счёт обеденного перерыва. По пути он заглянул в университетский магазинчик, прихватив бутылку воды, булку и плитку шоколада. Забаррикадовавшись в студии с этим нехитрым сухпайком, Цзяньси проработал без вылазок до половины третьего. В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось лаконичное: «Выехали». Ни запятых, ни точек — почерк парней Мэй Цзюня ни с чем не спутаешь, школа одна.

Даже сообщения они писали по единому шаблону.

Поскольку ехать на Да-Хэе было нельзя, Цзяньси поймал такси.

Люди Сяо Цзю везли Фу Тяньюя, так что об общественном транспорте не могло быть и речи. К тому же от конторы Мэй Цзюня до кладбища Восточных гор было гораздо ближе, чем от Академии искусств. По всем расчётам, они должны были приехать минут на десять раньше него.

На подъезде к холмам Цзяньси мельком взглянул на таксометр: кроме мигающих цифр стоимости, он в этой технике ничего не понимал. По правде говоря, он сто лет не пользовался услугами такси. Обычно он обходился своими Да-Хэем и Сяо-Баем, да и весь его привычный маршрут не требовал таких царских жестов. Если нужно было добраться до Дацзяня, максимум — спускался в метро. А если на них обоих накатывала блажь, они преспокойно крутили педали через весь город туда и обратно.

Молодость вообще штука взбалмошная: живёшь на своей волне, и мера безумства зависит исключительно от настроения в конкретный день.

Расплатившись и пройдя немного к подножию холма, Цзяньси приметил семиместный минивэн, припарковавшийся вплотную к каменным ступеням, ведущим наверх.

Ну и мастера!

Машина перегородила подъём так нагло, что перекрыла всю дорогу. Цзяньси невольно хмыкнул:

«И чего сразу на гору не взлетели?»

Он огляделся по сторонам. В этот час на кладбище не было видно даже зрителя. Самое время для чужой наглости, ничего не скажешь.

Обойдя минивэн сзади, Цзяньси пару раз постучал согнутым пальцем по стеклу.

Дверь со стороны пассажирского сиденья распахнулась, и наружу выбрался Сяо Цзю. Из-за стёкол очков он скользнул по Цзяньси равнодушным взглядом. Движения его оставались небрежными и ленивыми. Облокотившись на дверцу машины, он безучастно посмотрел на вершину холма.

Следом со скрежетом отъехала раздвижная дверь салона. Стоя на второй ступени лестницы, Цзяньси заглянул внутрь: помимо Фу Тяньюя там сидели ещё четверо. Один из этих мужчин выглядел в точности так же — с опухшим от побоев лицом и потрёпанным, загнанным видом.

Цзяньси лишь мельком глянул на них и сразу отвернулся.

Когда все четверо вылезли наружу, тяжёлая дверь минивэна с грохотом захлопнулась у них за спинами.

Сяо Цзю покосился на стоявшего рядом рослого, широкоплечего громилу. Тот, уловив негласный приказ, коротко бросил:

— Пошли.

Побитый мужчина, даже не успев толком осмотреться, послушно поплёлся к каменным ступеням. Поравнявшись с Цзяньси, он на секунду замедлил шаг и поднял на него глаза.

Цзяньси краем глаза заметил это мимолётное колебание, но даже не повернул головы, упрямо глядя перед собой.

— Нужно, чтобы мы... — начал было Сяо Цзю, внимательно разглядывая лицо Цзяньси, но тот перебил его на полуслове:

— Не надо.

Цзяньси в упор смотрел на Фу Тяньюя. Тот не стал прятать глаза — он смотрел с глухой, едва сдерживаемой яростью.

«Что ж, логично, — подумал Цзяньси. — Мужчина он или кто? Духа в нём, может, и не осталось, но если бы он растерял ещё и свой поганный норов, то от него вообще ничего бы не осталось».

— Я, твою мать, твой отец! Ты... — Фу Тяньюй всё-таки сорвался на крик, брызжа беспомощной, бессмысленной злобой.

— Надо же, вспомнил про родство, — холодно процедил Цзяньси, жёстко и натянуто усмехнувшись. — А я-то думал, вы и слова такого не знаете.

— Да лучше убейте меня прямо здесь, никуда я не пойду! — прорычал сквозь зубы Фу Тяньюй, глядя на сына с такой бешеной ненавистью, словно готов был вцепиться ему в глотку.

— Я ведь предупреждал: не смей зариться на этот дом, — лицо Цзяньси снова стало пугающе спокойным, голос звучал ровно и обыденно. — Но вы всё равно полезли. Причём так глупо. Раз уж дед не сумел вас ничему научить, я покажу наглядный пример.

Сяо Цзю, копавшийся в телефоне, на мгновение замер. Он покосился на профиль Цзяньси, задержал взгляд на пару секунд, а затем снова уткнулся в экран.

— Щенок паршивый... Да это всё моё было! Моё! — Фу Тяньюй подался вперёд, яростно тыча себя пальцем в грудь. Глаза его налились кровью.

Цзяньси отвернулся и прикусил губу. Выдержав паузу, он снова повернулся к отцу и, прямо глядя в его багровые от злости глаза, произнёс:

— Раз уж вы так кичитесь своим старшинством, то должны понимать, зачем мы здесь. Идёмте. Пора навестить вашего собственного отца.

Цзяньси внимательно следил за реакцией Фу Тяньюя. На долю секунды тот дрогнул, в его взгляде промелькнула паника. Он испуганно зыркнул в сторону вершины холма и тут же отвёл глаза.

Но отступать было некуда. Цзяньси не сомневался, что заставит его подняться. Не дожидаясь, пока застывший на месте мужчина справится со своим гневом, он развернулся и зашагал по ступеням вверх. Преодолев десятка полтора ступеней и не услышав сзади шагов, он обернулся.

Фу Тяньюй как раз занёс ногу над первой ступенью, но, заметив взгляд сына, замер, словно каменное изваяние.

Цзяньси мысленно вздохнул. Докатиться до того, чтобы бояться подойти к могиле собственного отца... Какая же каша должна быть в голове у этого человека? Сам Цзяньси подобных душевных терзаний понять не мог.

Он невольно спросил себя: если когда-нибудь на этом кладбище будет лежать сам Фу Тяньюй, придёт ли он к нему?

«По крайней мере, буду исправно оплачивать уход за могилой, — подумал он. — А навещать... Наверное, буду. Всё-таки да».

Цзяньси опустился на одно колено перед надгробием. Достав салфетку, он бережно протёр потускневший портрет на плите, смахнул принесённый ветром серый пепел от сгоревших поминальных денег. Праздник Цинмин миновал пару дней назад, так что увядшие цветы и подношения, должно быть, уже убрали служители.

Краем глаза он заметил, что Фу Тяньюй снова застыл у самого поворота к надгробной плите.

В этот момент Цзяньси едва удержался от желания заорать на весь погост:

«Да неужели так трудно сделать несколько шагов, чёрт тебя дери?!»

Прошло несколько долгих минут, но отец так и не сдвинулся с места. Цзяньси поднялся во весь рост, собираясь спуститься к нему. Он твёрдо решил: если этот трус вздумает ограничиться лишь трусливым взглядом издалика, он лично приложит кулак к его физиономии и заставит ползти до самой плиты.

К счастью, когда Цзяньси сошёл с вымощенной площадки к ступеням, Фу Тяньюй наконец пересилил себя и двинулся навстречу. Они разминулись. Цзяньси проводил его тяжёлым взглядом, но отец даже не повернул головы, упрямо глядя перед собой. Он шагал размашисто и быстро, будто пытался проскочить это испытание на полной скорости.

Цзяньси медленно спускался, пока не замер на середине склона. Обернувшись, он посмотрел вверх. С такого расстояния трудно было разобрать, присел ли Фу Тяньюй со своим почти двухметровым ростом на корточки или опустился на колени. Перед серым надгробием он казался просто бесформенным тёмным комком. Сжавшимся и жалким.

«Ладно, — мысленно успокоил себя Цзяньси. — Большого я от него не добьюсь».

По крайней мере, он исполнил последнюю волю бабушки и дедушки, пусть и с опозданием.

Фу Тяньюй задолжал слишком много поклонов. Он должен был стоять на коленях у больничной койки, у поминального алтаря, перед закрывающимся гробом... Столько долгов скопилось за эти годы, что, начни он их отдавать, колен бы не разгибал до скончания веков.

— Держи, — Сяо Цзю окликнул Цзяньси, когда тот уже подходил к машине, и протянул ему плотный конверт из крафтовой бумаги.

Цзяньси, державший руки в карманах брюк, перевёл взгляд с конверта на лицо Сяо Цзю.

— Трудовой договор, — пояснил тот.

— Спасибо, — Цзяньси вытащил руку из кармана и забрал пакет. — Сколько там экземпляров?

— Два. Третий пока без надобности, — Сяо Цзю покосился в сторону вершины холма.

Пока Цзяньси спускался, люди Сяо Цзю уже поднялись вверх, чтобы не выпускать Фу Тяньюя из виду.

— Понятно. Чего не хватает? — спросил Цзяньси.

— Брат Мэй сказал, ты сам в курсе. С условиями ознакомься, если захочешь что-то переписать — приноси документы и обсудишь с ним лично. — Договорив, Сяо Цзю запрыгнул на переднее сиденье, оставив дверь приоткрытой.

Немного подумав, Цзяньси развернулся и пошёл вниз по тропинке.

Подтверждающие документы? То есть фальшивки, доказывающие, что у Фу Тяньюя внезапно прорезалась платёжеспособность.

Значит, придётся идти на поклон к одному наглому пройдохе.

Интересно, Мэй Цзюнь ведёт свои дела так хитро исключительно ради выгоды, или он заодно решил сосватать своего дружка?

<http://bllate.org/book/18325/1760710>